

Карнегиана

«Человек, который умирает богатым,
умирает опозоренным»

Эндрю Карнеги

Сергей Голубицкий

Если бы изречение, помещенное в эпитафию, принадлежало пламенному революционеру-оборванцу, сгорающему от классовой ненависти (взращенной на зависти), то ничто не нарушило бы гармонию наших привычных представлений.

Ситуация, однако, в корне меняется, как только мы узнаем, что позор богатства заклеил... самый богатый человек мира на рубеже XIX и XX веков — Эндрю Карнеги!

Святой Андрей

Назвать Карнеги филантропом язык не поворачивается. Человек, осмысленно и добровольно раздавший при жизни и полной ясности ума 350 миллионов долларов (4,2 миллиарда в сегодняшних ценах), не имеет родовых атрибутов. Современники относились к благотворительным жестам Карнеги с неодобрением, постоянно выискивая темные пятна в его биографии. Первое, что приходило в голову: шотландский магнат — такой же «robber baron»¹, как и остальные нувориши, сколотил свое состояние беспределом, на крови, и теперь вот замаливает грехи шокирующими размахом пожертвованиями. Когда версия о «крови и беспределе» не подтвердилась, общественность обрела внутреннее равновесие в представлении о том, что Эндрю Карнеги просто болезненный эгоист, готовый безвозмездно строить тысячи зданий, лишь бы они носили его имя. Главный ёрник эпохи Марк Твен называл Карнеги не иначе как «Святой Андрей». Марку Твену казалось, что это прозвище было очень обидным. Эндрю Карнеги считал иначе.

На суд общественности Карнеги реагировал спокойно: «С годами я перестал обращать внимание на слова людей. Теперь слежу лишь за их поступками». Поступков, разумеется, никаких не следовало. Оно и понятно: что можно противопоставить напору шотландского колосса, сумевшего развести как младенца самого Джона Рокфеллера?

История Эндрю Карнеги — типичный лубок «rags to riches»²: сын ткача-иммигранта, ставший отцом-основателем американской сталелитейной промышленности. Блестящая иллюстрация меритократии — государственного устройства, при котором социальные и материальный успех определяется достоинствами, талантами и усилиями индивида, а не семейными связями, родительским благосостоянием и волосатой рукой во властных структурах. Личное преуспеяние в жизни лежит в основе мировоззрения

Карнеги: «Лучшее наследство, на которое может рассчитывать юноша, это рождение в бедности».

Карнеги не был душегубом, не был он и святым. В бизнесе проявлял предельную жесткость, прогибал рабочих по зарплате, насколько хватало пролетарского терпения, вел двойную игру с профсоюзами, умело лавировал между влиятельными политиками и коммерсантами, случалось — «постукивал» (особенно по молодости), частенько «подмазывал» (дабы предпринимательская телега шла прытче и без скрипа). В общем, обычное дело для эпохи первоначального накопления.

Однако при видимом сходстве параллели с российским периодом дикого капитализма выстраиваются с большой натяжкой. Не только потому, что идея меритократии никаким боком не вписывается в реалии отечественного обогащения, которое состоялось за счет умыкания национальной сырьевой базы и бывшей народной собственности. Основная причина отсутствия общих мест: морально-этическое и религиозное размежевание наших эпох и государств. Середина XIX века в Соединенных Штатах (да и в Европе), помимо неудержимой экономической и естественно-научной экспансии, была отмечена напряженным поиском общественной гармонии и путей сглаживания социальных конфликтов. Бесовству набирающего обороты марксизма и его генетического собрата — ростовщического капитала — энергично противопоставлялись решения, основанные на христианской деловой этике. Даже социальный дарвинизм Эндрю Карнеги был облагорожен постулатами евангельских добродетелей и представлениями о нравственной чистоте и моральной ответственности богатых перед бедными.

Современная Россия подобными этическими исканиями не озабочена. Да и что спрашивать с «новых русских», если само государство брезгливо стряхивает с себя остатки социальной ответственности за судьбы малоимущих и обворованных граждан? Свободное же предпринимательство низвело эту ответственность до уровня вульгарного ритуала: подарим

школе компьютер и получим за это «PR-отбивку», оснастим детский дом телевизором, и нам простят неуплату налогов.

Сегодня кажется, что 70 лет «удачного» генетического антиотбора сделали свое дело и вероятность социального взрыва ничтожна. Что ж, может быть, и так. Однако история подсказывает, что куражиться и покупать виллы с субмаринами никогда не получается до бесконечности: рано или поздно вершится социальное возмездие. С содроганием думаю о том, что в условиях современной технотронной цивилизации возмездие это будет таким жесточайшим, что туристский ледоруб Рамона Меркадера³ покажется вожаком и несбыточной мечтой.

В подобном контексте история Эндрю Карнеги обретает особое звучание: его благотворительность полностью определялась внутренними морально-этическими убеждениями и отнюдь не вытекала из классового благоразумия, а тем более — из чувства социального страха перед разверзающейся бездной классового террора. Единственной ласточкой, которую застал Карнеги, явился кровавый локаут на принадлежащем ему сталелитейном предприятии Homestead Steel Works.

В 1889 году рабочие завода выиграли забастовку и добились подписания трехлетнего соглашения о привязке заработной платы к рыночной стоимости стали. 30 июня 1892 года срок действия соглашения с профсоюзом истек, и все рабочие были уволены. В тот момент Эндрю Карнеги находился в Шотландии и обязанности управляющего исполнял его партнер Генри Клей Фрик. Фрик был сторонником жесткой линии, отказался от ведения любых переговоров, окружил сталелитейные мастерские высоким забором из колючей проволоки и заключил контракт с Национальным детективным агентством Пинкертона о предоставлении штрейкбрехерских и охранных услуг. Ранним утром 6 июля 1892 года 300 доблестных агентов высадились на берегу реки Мононгахела (в семи милях от Питтсбурга) и сразу же вступили в 13-часовой бой с уволенными рабочими Хоумстеда. Кровавопролитное сражение завершилось гибелью трех

¹ Воровской барон (англ.).

² Из грязи в князи (англ.).

³ Внедренный в мексиканский Койоакан агент НКВД, убивший Троцкого.

«пинкертонов» и семи рабочих, сдачей штрейкбрехеров и последующим зверским прогоном нью-йоркских агентов через разъяренную толпу пролетариев, повлекшим увечье еще 20 человек. В тот же день анархистка Эмма Гольдман¹ вместе со своим любовником и соратником Александром Беркманом предприняли неудавшуюся попытку убийства Фрика. Кончилось тем, что по приказу губернатора Роберта Паттисона национальная гвардия Пенсильвании вошла в Хоумстед и положила конец беспорядкам.

Описываемым событиям далеко до массовых затылочных расстрелов по классовому признаку имени Моисея Урицкого, которые через 26 лет после Хоумстеда открыли новую главу в истории социальных отношений. Однако и их драматизма оказалось достаточно, чтобы в отношениях Карнеги и Фрика случился непоправимый излом, который, в конце концов, привел к полному разрыву и увольнению последнего с поста председателя правления головной компании Carnegie Steel.

Предвидел ли Карнеги в Эмме Гольдман будущее явление юноши Каннегиссера²? Наверное, нет. Впрочем, это не важно. Уникальность этической системы ценностей шотландского магната — в представлении о том, что не только террористы-анархисты, но и близкий его соратник Генри Клей Фрик является другой стороной единой безнравственной медали. Об этом удивительном мировоззрении и будет наш рассказ.

Bobbin Boy³

Эндрю родился в 1835 году в шотландском городке Данфермлайн, недалеко от Эдинбурга, в семье Уильяма Карнеги, рабочего ткацкой фабрики, и дочери сапожника Маргарет Моррисон. Воздух Данфермлайна был наполнен переживаниями двух падений. Некогда то была столица средневековой Шотландии, а затем столица ткацкой промышленности... К 40-м годам XIX века от бывшего величия Данфермлайна не осталось и следа: королевский дворец лежал в руинах, а фабрики, производившие самые тонкие узорчатые ткани в Великобритании, закрылись одна за другой под ударами научно-технического прогресса. Паровой ткацкий станок обесмыслил труд многотысячной армии ткачей, и большая часть трудоспособного населения Данфермлайна оказалась на улице без средств к существованию.

Отец Уильям нашел утешение в политической борьбе. Вместе с Томом Моррисоном, дядей Эндрю по материнской линии, Уилл Карнеги примкнул к чартистскому движению⁴, участвовал в национальных забастовках, публиковал памфлеты в радикальных газетах и даже возглавил местный профсоюз ткачей. К сожалению, в 1848 году все усилия по восстановлению классовой справедливости утекли в песок после того, как парламент окончательно отверг чартистский проект.

▲ Карнеги не был душегубом, но не был он и святым. В бизнесе проявлял предельную жесткость, порой вел двойную игру с профсоюзами, умело лавировал между влиятельными политиками и коммерсантами.

► Джон Морган сделал Карнеги предложение, от которого трезвомыслящие предприниматели не отказываются: Carnegie Steel была продана за 480 миллионов долларов. Так появился супергигант US Steel.

Последние иллюзии и надежды оставили семью Карнеги, так же, как и раньше — последние сбережения. Единственным светом в конце туннеля оказалось письмо, полученное от тетки Эндрю, восемь лет назад эмигрировавшей в Америку: «Новая родина намного лучше для рабочего человека, чем старая». Сдержанных слов поддержки оказалось достаточ-

но для принятия решения об отъезде. Денег от распродажи имущества не хватило даже на билеты: пришлось одалживать у соседей и дальних родственников. В 1848 году семья классово-сознательных пролетариев Карнеги погрузилась на парусник «Уискассет» в порту Глазго и перенесла в Новый Свет свои несбыточные мечты о счастье. 50 дней путешествия впроголодь — и шотландские ткачи упали в объятия Нью-Йорка!

1 Та еще штука: родилась в гетто в Литве в 1869 году, эмигрировала в США, до 1919 года занималась энергичной подрывной деятельностью (от активной пропаганды противозачаточных средств и абортов до участия в террористических актах и срыве воинского призыва в годы первой мировой войны), пока не была депортирована в большевистскую Россию вместе с соратниками-анархистами. В Советской стране Эмма с энтузиазмом включилась в привычную для себя работу, однако ее быстро оттерли от рычагов влияния «местные товарищи», после чего, написав памфлет «Мое разочарование в России», Гольдман вернулась в свободный мир и провела остаток своей жизни в Европе и Канаде.

2 Леонид Каннегиссер — поэт-социалист, застреливший 30 августа 1918 года председателя Петербургского ЧК

М. Урицкого, в результате чего по всей стране прокатилась волна массовых расстрелов десятков тысяч заложников, схваченных по классовому признаку.

3 Мальчик, следящий за состоянием шпули на ткацкой фабрике.

4 Раннее дитя британского пролетариата, чартизм, делал ставку на завоевание политической власти в стране через распространение избирательного права на рабочих, последующее избрания в Парламент своих представителей, создание дружественного народу правительства и мирный отъем власти у родового земельного дворянства.

▲ В 1891 году на торжественном открытии одного из самых знаменитых концертных залов мира — Carnegie Hall в Нью-Йорке — оркестром дирижировал не кто иной, как Петр Ильич Чайковский.

Еще через три недели Карнеги добрались до Питтсбурга, места обитания большой колонии бывших соотечественников и путеводной сетки. В 1848 году Питтсбург уже был крупнейшим индустриальным центром Америки. Со всеми вытекающими последствиями: «Любое достоверное описание тогдашнего Питтсбурга покажется сегодня грубейшим преувеличением, — вспоминал Эндрю Карнеги в автобиографии. — Дым был повсюду и проник во все щели. Вымыв лицо и руки, уже через час вы замечали, что они становились такими же грязными, как и раньше. Сажа въедалась в волосы, раздражала кожу, все делало жизнь в этом месте невыносимо жалкой».

Один британский экономист, закрепивший за Питтсбургом прозвище «ада с открытой крышкой», поделился незабываемыми впечатлениями о социальных противоречиях, раздиравших город в ту эпоху: «Невообразимая грязь и убожество, бесконечные часы рабочего дня, яростные столкновения труда и капитала, свирепая грызня за прибавочную стоимость, буквально выдавливаемую из

людского пота, единая ориентация социальных верхов и в равной мере низов на материальное стяжательство на фоне тотального равнодушия ко всем прочим идеалам и ценностям».

Впрочем, никакой бытовой мрак не мог заслонить от восхищенного взора 13-летнего Эндрю Карнеги победную поступь технологического прогресса: в ревущих паровых котлах локомотивов и плавильных печах заводов юный иммигрант ощущал дыхание свободы и неограниченных возможностей.

Свобода многообещающего мира открылась Эндрю в виде должности «шпульного мальчика» на ткацкой фабрике с окладом 1 доллар 20 центов в неделю. Уже через пару месяцев началось восхождение по карьерной лестнице: юный Карнеги переквалифицировался в мойщика паровых котлов за 2 доллара. Еще через месяц начальник цеха оценил каллиграфическое мастерство Эндрю (плоды начальной школы Данфермлайна!) и рекомендовал мальчика на должность клерка в офисе родной фабрики.

В 1849 году Эндрю становится посыльным в городском телеграфном агентстве (2 доллара 50 центов). Сначала он выучивает наизусть адреса и фамилии всех клиентов, а затем эффектно вручает получателям корреспонденцию прямо на улице, поскольку узнает их в лицо. Ответственная должность телеграфиста с окладом в 5 долларов напрашивается сама собой.

Звездного часа Эндрю Карнеги прождал четыре года. В 1853-м Томас Скотт, управляющий западным подразделением Пенсильванской железной дороги, восхищенный исполнительностью, аккуратностью и смывленностью 18-летнего шотландского паренька, назначает Эндрю своим личным телеграфистом и секретарем (9 долларов в неделю). Карнеги быстро осваивается на новом месте и вскоре уже привносит свою личную толику в бурно развивающуюся железнодорожную промышленность: разрабатывает систему круглосуточного телеграфного дежурства и выступает с инициативой сжигать потерпевшие крушение вагоны для скоростной очистки путей и восстановления движения.

В 1855 году скончался отец Эндрю Уильям Карнеги. Показательно, что закаленный в политических боях ткач из Данфермлайна так и не сумел найти себя в Новом Свете. Какое-то время он пытался устроиться на работу по специальности, но тщетно: если уж в родной Шотландии станки потеснили рабочих, что говорить об Америке — оплоте технологического прогресса? Уилл даже изготовил собственную ткань и отправился в путешествие по штатам в поисках покупателей — увы, безрезультатно. Юный Эндрю так и оставался единственным кормильцем в семье до самой кончины отца.

В 1856 году Эндрю Карнеги совершил символический акт измены семейным

ценностям: от приятелей, работающих в депо Пенсильванской железнодорожной компании он узнал о готовящейся забастовке и услужливо донес ценную информацию своему благодетелю Томасу Скотту. Зачинщиков тут же уволили, забастовка была сорвана.

В том же году Эндрю открыл для себя волнующий мир финансовых инвестиций: получив кредит в местном банке, он инвестировал 217 долларов 50 центов в Woodruff Sleeping Car Company, держащего патент на изобретение спальных вагонов. Ровно через два года эти акции стали приносить 5 тысяч долларов (!) ежегодного дохода, что в три раза превышало годовую зарплату Карнеги от службы в Пенсильванской железнодорожной компании.

Параллельно продолжался карьерный рост Карнеги: в 1859 году его назначили управляющим западного отделения компании (Томас Скотт пошел на повышение) с годовым окладом в 1 500 долларов. Наконец-то доходы позволили Эндрю вырваться с матерью из городского смрада и поселиться в престижном пригороде Хоумвуд.

Через два года Карнеги инвестирует все дивиденды (11 000 долларов), полученные от Woodruff Sleeping Car Company, в начинающий нефтяной бизнес в Титусвилле (штат Пенсильвания). В первый же год инвестиции отбиваются с лихвой (17 868 долларов). Как следствие, в возрасте 28 лет суммарный доход Эндрю Карнеги составил 42 тысячи долларов: почти половина денег поступала от нефтяных инвестиций, 2 400 долларов — жалование Пенсильванской железной дороги, и еще 13 тысяч — дивиденды от новых вложений в Piper and Schiffer Company, the Adams Express Company и the Central Transportation Company.

В 1864 году в самый разгар Гражданской войны Эндрю призывают в армию юнионистов. Карнеги откупается, заплатив 850 долларов добровольцу, который заменяет его в рядах вооруженных сил северян (вполне общепринятая практика). Традиционные биографы полагают, что Карнеги просто посчитал свой патриотический долг выполненным, когда вместе с Томасом Скоттом восстанавливал телеграфные коммуникации, разрушенные армией конфедератов. Однако непредвзятый анализ воззрений великого мецената не оставляет сомнений: идеи Карнеги о высокой моральной и материальной ответственности «хозяев жизни» перед своими менее удачливыми соотечественниками целиком лежат в русле патерналистской традиции американского Юга и — более того — прямо противоречат доктрине расчетливого индивидуализма Севера. Безусловно, разум Карнеги был на стороне капиталистической экспансии юнионистов, однако сердце его принадлежало конфедератам. Что и говорить: с подобным дуализмом в душе сложно брать оружие в руки.

Сразу после завершения Гражданской войны Карнеги оставляет свой высокий пост в Пенсильванской железнодорожной компании и учреждает фирму по строительству мостов — Keystone Bridge. Половину денег (80 000 долларов), необходимых для стартовых инвестиций, одалживает Томас Скотт. Следующим шагом трогательной двухходовки становится создание компании Keystone Telegraph. Полагая, читатель, знакомый с правилами игры, общими для любой эпохи первичного накопления, уже догадался о финальном аккорде плана Карнеги: после показательного тендера Пенсильванская железнодорожная компания разместила в Keystone Bridge заказ на замену всех существующих деревянных мостов на железные, а Keystone Telegraph получил разрешение на протяжку телеграфного кабеля вдоль всего железнодорожного полотна в штате Пенсильвания. Этих подрядов хватило на то, чтобы инвесторы обеих компаний Карнеги в одночасье утроили свои капиталы. После чего поглощение главных конкурентов — Pacific Telegraph и Atlantic Telegraph — явилось делом практически предпринятым.

В 1872 году Карнеги посещает сталелитейные заводы Генри Бессемера в Великобритании. Свою первую «железную» компанию Карнеги учредил еще в 1861 году (Freedom Iron), однако лишь после знакомства с производственным процессом Бессемера шотландский магнат превращает сталелитейный бизнес в краеугольный камень своей империи. Любимая поговорка Карнеги того периода: «Помести все яйца в одну корзину и внимательно следи за ней. Это единственный способ сделать деньги в бизнесе».

Через три года Карнеги запускает Edgar Thomson Works — свой первый сталелитейный завод, названный в честь — сюрприз! — президента Пенсильванской железнодорожной компании! Следующий сюрприз — целевой заказ Пенсильванской железнодорожной компании, размещенный в Edgar Thomson Works, на изготовление 2 000 полнотражных стальных рельсов.

Следующие события, сыгравшие ключевую роль в беспрецедентном обогащении Карнеги: покупка контрольного пакета акций в коксовой компании Генри Клея Фрика в 1881-м и поглощение главного сталелитейного конкурента Homestead Works в 1883 году.

В 1889 году личный годовой доход Эндрю Карнеги после вычетов всех налогов составил круглую цифру — 25 миллионов долларов. В 1899 году сталелитейные компании Карнеги были объединены в ги-

гантский концерн Carnegie Steel, объем производства которого превышал суммарный объем всех сталелитейных предприятий Великобритании.

В 1901 году Эндрю Карнеги, неожиданно для многих, совершил главную сделку жизни: выставил на продажу жемчужину своей империи — Carnegie Steel. Первым откликнулся Джон Рокфеллер, предложив за сталелитейный концерн 100 миллионов долларов. В ответ Карнеги разыграл блестящую комбинацию с подставными лицами, в результате которой ставка главного ростовщика планеты оказалась бита, и он вышел из игры. Венценосный *coup de grace*¹ шотландского хитреца: растиражированное прессой сенсационное заявление о начале строительства собственной железной дороги, якобы для снижения себестоимости производства Carnegie Steel. Разумеется, это был блеф, однако на удочку попался Джон Морган, который поспешно сколотил инвестиционный комитет нью-йоркских банкиров и сделал Карнеги предложение, от которого трезвомыслящие предприниматели не отказываются: Carnegie Steel бы-

ла продана за 480 миллионов долларов (5,8 миллиарда в ценах сегодняшнего дня). В результате на свет появился супергигант US Steel, а Эндрю Карнеги стал самым богатым человеком в мире.

Последующие годы до самой своей смерти в 1919 году Эндрю Карнеги посвятил благотворительной деятельности, на которую израсходовал более 90% всех сбережений. Общая сумма пожертвова-

► В 1901 году прикупить Carnegie Steel решил великий Джон Рокфеллер. Карнеги разыграл блестящую комбинацию с подставными лицами и ставка главного ростовщика планеты оказалась бита.

► Порой создается ощущение, что без участия Карнеги многие сферы американской жизни так и остались бы неразвитыми, не было бы ни Стэнфорда, ни других научных кузниц.

ний составила 350 695 653 (триста пятьдесят миллионов шестьсот девяносто пять тысяч шестьсот пятьдесят три) доллара! По завещанию родственникам достались лишь малые крохи от сокровищ шотландского чародея (25 миллионов долларов).

Евангелие богатства

Из всех титулов, коими был удостоен Эндрю Карнеги, самым почетным, без со-

▲ В 1899 году сталелитейные компании Карнеги были объединены в гигантский концерн Carnegie Steel, объем производства которого превышал суммарный объем всех сталелитейных предприятий Великобритании.

мнения, был «Patron Saint of Libraries» — Святой-покровитель библиотек. 18 лет — большой срок для пожертвований. Однако список благодеяний Карнеги затмевает всякое воображение: две тысячи пятьсот девять (2 509) публичных библиотек было открыто на деньги шотландского предпринимателя в Соединенных Штатах, на Британских островах, в Австралии и Новой Зеландии (из них в США — 1 679). Общая сумма инвестиций 55 миллионов долларов. Помимо этого:

- ▶ 1900 год: учреждение Carnegie Technical School в Питтсбурге по подготовке высококвалифицированных технических специалистов для нужд местной промышленности (сегодня это всемирно известный Университет Carnegie Mellon);
- ▶ 1902-й: учреждение Carnegie Institution — исследовательского центра для нужд американских колледжей и университетов;
- ▶ 1905-й: учреждение Carnegie Teachers' Pension Fund — пенсионного фонда учителей в размере 10 миллионов долларов;
- ▶ 1910-й: учреждение Carnegie Endowment for International Peace — Фонда в защиту мира;

▶ 1911-й: учреждение Carnegie Corporation — благотворительной организации с уставным фондом 125 миллионов долларов для оказания помощи колледжам, университетам, техническим школам и научно-исследовательским лабораториям;

▶ 1913-й: строительство Дворца Мира в Гааге (сегодня в нем размещается Международный Суд).

А также — бесчисленные музеи, художественные галереи, научные центры и концертные залы (самый знаменитый — Carnegie Hall в Нью-Йорке, на торжественном открытии которого в 1891 году оркестром дирижировал Петр Ильич Чайковский).

Несомненно, столь обширная программа благотворительности не могла развиваться спонтанно. В ее основе лежали глубокие морально-этические убеждения Карнеги, которые оформились еще в годы молодости. В 1868 году Эндрю сделал запись в личном дневнике, который бережно хранил всю жизнь:

«Мне тридцать три года, и мой годовой доход составляет 50 тысяч. Ровно через два года я структурирую свой бизнес таким образом, чтобы больше не было необходимости наращивать капиталы, а все излишки буду ежегодно тратить на благотворительные цели.

Я поселюсь в Оксфорде, познакомлюсь с образованными людьми и за три года постараюсь получить глубокое образование. Особое внимание следует уделить искусству публичных выступлений.

После этого я перееду в Лондон, куплю контрольный пакет в какой-нибудь газете или журнале и приму активное участие в общественной жизни, по мере сил продвигая идею образования и улучшения условий жизни бедных слоев населения.

Человек не может жить без объекта поклонения. Накопление богатства — худший из всех идолов. Ничто так не принижает, как поклонение деньгам... Если я продолжу целиком отдаваться вопросам бизнеса, сосредотачиваясь исключительно на делании денег, то очень скоро деградирую без всякой надежды на возрождение».

Свою завершенную форму идеи Карнеги обрели в манифесте The Gospel Of Wealth («Евангелие Богатства»), опубликованном в 1889 году и воспринятом общественностью то ли со сдержанным раздражением, то ли с негодованием. Впрочем, Карнеги не строил иллюзий, понимая, что идеи социальной ответственности богатых перед бедными чужды представлениям большинства социальных элит. Тем не менее, все свои собственные поступки Карнеги выстраивал в строгом соответствии с изложенными принципами. Вот они:

▶ Обязанность богатого человека: подавать пример скромного, ненавязчивого,

лишенного показухи и экстравагантности образа жизни; в полной мере удовлетворять законные, но и скромные запросы своих домочадцев, а весь излишек доходов рассматривать в качестве доверительного фонда, который ему предоставили в управление исключительно на благо общества. Таким образом, богатый человек должен быть доверенным лицом и агентом своих менее обеспеченных собратьев, на службу коим он отдает все свои глубокие знания, опыт и талант управления, поскольку все это у него получается лучше, чем у остальных.

▶ Одно из главных препятствий улучшения нашей расы заключается в неразборчивой благотворительности. Для человечества было бы несоизмеримо лучше, если бы миллионы, пожертвованные богатыми людьми на потворство лени, пьянства и бесплезности, оказались выброшенными в морскую пучину.

▶ Единственный ориентир при оказании благотворительности: помогать только тем, кто может помочь самому себе. Иными словами: предоставить желающим подняться недостающие им средства, и никогда (либо крайне редко) выполнять за них всю работу.

Последний пункт программы Карнеги особенно показателен: практически все учрежденные им библиотеки создавались на основе партнерского соглашения с местной администрацией (будь то муниципальные власти или правление учебного учреждения). Карнеги предоставлял средства на строительство здания и закупку книг, а местное управление брало на себя обязательства и расходы по дальнейшему поддержанию просветительского заведения в должном порядке. Только такая кооперация, по мнению Карнеги, позволяет избежать развращающих иждивенческих настроений. В силу тех же причин, Карнеги полагал, что раздавать милостыню на паперти — занятие преступное, идущее лишь во вред просящему.

Это последнее обстоятельство больше всего и возмутило современников, присвоивших Карнеги ярлык «социального дарвиниста» и «нищенца», а в дальнейшем — чуть ли не предвестника фашистских идей о превосходстве сильной расы и необходимости уничтожения слабых представителей человечества (тех самых, что «не могут помочь сами себе»). Конечно же, подобные обвинения — лицемерный софизм. Благотворительность Карнеги — один из редчайших примеров в истории осмысленной и глубоко нравственной добродетели, приносящей реальные и ощутимые плоды на века вперед. Лучшее подтверждение тому: в наши дни более 40% американцев получают знания в публичных библиотеках, носящих имя шотландского филантропа. Разве можно отыскать большую награду в обмен на потраченные банкноты? Поистине, кто умирает богатым, умирает опозоренным. □

1 Завершающий смертельный удар шпагой, как правило, прекращающий страдания побежденного (франц.).